

Глава 1

МИСТЕР УИППЛСТОУН

1

Стояло весеннее утро, и Бог, надо полагать, пребывал в небесах, однако, на взгляд мистера Уипплстоуна, доказательства этого факта были пренебрежимо малы. Сэмюэль Уипплстоун чувствовал себя несчастным, несчастным бестолково и путано. Его преследовало видение двух массивных, отлитых из серебра георгианских соусников, сопровождаемое звуками прощальных речей. Мистер Уипплстоун покинул дипломатическую службу ее величества на манер, ставший для его коллег традиционным. Он даже подготовился внутренне к тому, что не придется больше вставать в половине восьмого утра, принимать душ, бриться, ровно в восемь завтракать; впрочем, что толку продолжать этот подснаповский переречь*? Коротко говоря, он воображал, будто вполне готов к тому, чтобы уйти на покой, а теперь обнаружил, что никакого покоя ему не видать. Он оказался человеком, лишенным внутреннего двигателя. Человеком без цели в жизни. Конченным человеком.

В этот день он уже к десяти утра понял, что больше не способен выносить самодовольную привычку своей

* Подснап — персонаж романа Ч. Диккенса «Наш общий друг», напыщенный, преисполненный сознания собственной непогрешимости человек, скрупулезно соблюдающий все «положенные» нормы и правила. — *Здесь и далее примеч. пер.*

служебной квартиры. Именно в это время ее обыкновенно приходили «обслуживать» — ритуал, при котором он ранее обычно не присутствовал и исполнению которого служил теперь помехой.

Мистер Уиппстоун с удивлением обнаружил, что в течение двадцати лет обитал в унылом, гнетущем, темноватом и малопривлекательном жилище. До глубины души потрясенный этим неожиданным открытием, он вышел под весеннее лондонское небо.

Десятиминутная прогулка по парку настроения не подняла. Мистер Уиппстоун обошел стороной вливающийся под квадригу поток машин, увидел несколько неподобающе одетых верховых, миновал скопление алых и желтых тюльпанов и, пройдя под раздутыми ноздрями вырвавшихся на свободу стихий Эпстайна*, покинул парк и направился в сторону Баронсгейт.

Окунувшись в безостановочную какофонию переключающих скорости и газующих машин, он вдруг подумал, что ему тоже теперь следует перейти на малую скорость, поискать какую-нибудь грязную стоянку и ждать — тут уподобление стало невыносимым, — когда за ним приедут с буксирным тросом и отволокут на свалку. Конечно, положение, в котором он оказался, вполне заурядно, но лучше оно от этого не становилось. С этими мыслями бывший дипломат прошагал с четверть часа.

От Баронсгейт к Каприкорнам ведет арочный проход, слишком низкий, чтобы принять в себя какое-либо движение, кроме пешеходного. Через проход можно выйти на улочку Каприкорн-Мьюз, а миновав ее, попасть на другую, Каприкорн-Плэйс. Мистер Уиппстоун проходил здесь множество раз, прошел бы и сегодня, если б не кошка.

Кошка выскочила из-под колес какой-то машины, дунула мимо него под арку и исчезла в дальнем конце прохода. И тут же послышался смешанный визг — тормозящей машины и живого создания.

* Сэр Джейкоб Эпстайн (1880–1959) — английский скульптор.

Мистера Уипплстоуна такого рода происшествия всегда расстраивали. Более того, он просто терпеть не мог происшествий такого рода. Вообще говоря, он предпочел бы как можно скорее убраться отсюда и выбросить случившееся из головы. Однако вместо этого торопливо миновал проход и оказался на Каприкорн-Мьюз.

Автомобиль, грузовичок какой-то службы доставки, уже сворачивал на Каприкорн-Плэйс. Троица молодых людей, стоя у гаража, глазела на кошку, походившую на разлитую по асфальту тушь.

Один из троих приблизился к ней.

— Готова, — сказал он.

— Бедная киска! — прибавил другой, и все трое препротивнейшим образом загоготали.

Первый молодой человек занес ногу, словно собираясь перевернуть кошку на другой бок. К его изумлению и испугу, кошка ударила по ноге задними лапами. Молодой человек вскрикнул, нагнулся и протянул к кошке руку.

Но та уже стояла на всех четырех лапах. Она чуть покачалась, а затем вдруг метнулась вперед. К замершему на месте мистеру Уипплстоуну. У бедняжки, наверное, сотрясение мозга, решил он, или она с ума сошла от страха и боли. Длинным прыжком кошка взлетела мистеру Уипплстоуну на грудь, вцепилась коготками в пиджак и, как ни странно, замурлыкала. Кто-то говорил ему, будто кошки иногда мурлычат перед смертью. У этой были голубые глаза. Дюйма на два от кончика хвоста шерстка ослепительно белела, но все остальное тельце животного покрывала совершенная чернота. Вообще-то мистер Уипплстоун никакой особенной неприязни к кошкам не питал.

Зонт он нес в правой руке, поэтому рефлекторным жестом прикрыл кошку левой. И обнаружил, что она страшна худая, теплая и вся дрожит.

— От одной из ее девяти жизней только пшик осталось, — осклабился юнец. И вся троица, гаденько хихикая, удалилась в гараж.

— О дьявольщина, — произнес мистер Уиппстоун, когда-то давным-давно считавший стародевичьи восклицания забавными.

С некоторым затруднением он переложил зонт в левую руку, вставил монокль и осмотрел беднягу. Она уже мурлыкала громче и лишь еле слышно мяукнула, когда пальцы коснулись ее плеча. Ну и что с ней теперь делать?

Да, собственно, ничего особенного. Серьезных увечий она не получила, живет, видимо, где-то по соседству, а у животных ее вида, как известно, чрезвычайно развит домашний инстинкт. Кошка между тем сунула голову сначала под пиджак мистера Уиппстоуна, а там и под жилет. Она скребла его лапами по груди. Освободиться от цепкого создания оказалось непросто.

Мистер Уиппстоун опустил свою ношу на тротуар.

— Ступай домой, — велел он.

Кошка смотрела на своего спасителя и словно бы мяукала — разевала рот, показывая розовый язычок, — но ни звука не издавала.

— Нет. — Пожилой джентльмен строго покачал головой. — Домой иди.

Кошка слегка шевельнулась, как будто намереваясь снова вспрыгнуть ему на грудь.

Мистер Уиппстоун повернулся спиной и быстро зашагал по Каприкорн-Мьюз. Почти побежал.

Улочка эта тихая, мошенная, очень пустынная. На ней стоят три гаража, упаковочное агентство, дюжины две маленьких викторианских домиков, крохотное бистро и четыре магазинчика. Приближаясь к одному из них, цветочному, он увидел в боковой витринке отражение Каприкорн-Мьюз и себя самого, шагающего себе же навстречу. А за ним с решительным видом трусила кошка. Кошка мяукала.

Мистер Уиппстоун впал в полную растерянность и уже начал подумывать, не позвонить ли ему в Королевское общество защиты животных, когда прямо за его спиной из гаража вылетел грузовик. Грузовик пронесся мимо, а ко-

гда умчался, обнаружилось, что кошка исчезла. Испугалась шума, решил мистер Уиппстоун.

Сразу за цветочным магазином от противоположной стороны улочки уходит влево Каприкорн-Плэйс. Глубоко обеспокоенный мистер Уиппстоун свернул туда.

Приятная улица: узкая, чинная, солнечная и с хорошим видом; если взглянуть налево — верхушки деревьев и купол баронсгейтской базилики. Чугунные ограды палисадничков, а за ними маленькие ухоженные георгианские и викторианские дома. Весенние цветы в ящиках под окнами. И откуда-то доносится запах только что сваренного кофе.

Женщины, приверженные чистоте, отдраивают ступеньки и дверные ручки. Хозяйки с корзинками для покупок отправляются по магазинам. Вот из дома вышел одного с мистером Уиппстоуном возраста багроволицый человек, от которого за версту несет армией. Проехала коляска с важным младенцем, сопровождаемая эскортом из шестилетнего пешехода, женщины, исполняющей роль движущей силы, и большой собаки, — все они с целеустремленным видом направлялись к парку. Привычным маршрутом двигался почтальон.

Есть еще в Лондоне тихие, похожие на каприкорновские улочки, хотя существование их довольно шатко. Населяют их люди среднего класса, отчего, как мистеру Уиппстоуну было известно, к ним принято относиться с некоторым пренебрежением. Впрочем, мистер Уиппстоун и сам принадлежал к этому классу и потому подобных воззрений не разделял. Разумеется, тут редко что-либо происходит, но, с другой стороны, это место никак не назовешь утомительно эксцентричным, чрезмерно живописным или слишком нарядным: место скорее приятное, обладающее качеством, которое мистер Уиппстоун мог определить лишь как «игристость», по аналогии с вином. Он приближался к пабу с вывеской «Лик светила», добропорядочному, лишенному претензий заведению, стоявшему на выходе из Каприкорн-Плэйс к площади, Каприкорн-сквер:

простая железная оградка, платаны, травка, одна-две скамейки, во всем чистота и порядок. От паба он повернул направо, направляясь к Каприкорн-Уок.

Навстречу ему державным шагом двигался дородный, черный как смоль джентльмен в превосходном костюме, ведущий на поводке белую афганскую борзую в алом ошейнике.

— Мой дорогой посол! — воскликнул мистер Уиппстоун. — Какая приятная встреча!

— Мистер Уиппстоун! — гулко отозвался посол Нгомбваны. — Очень рад вас видеть. Вы что же, живете в этих краях?

— Нет-нет, просто утренняя прогулка. Я... я, ваше превосходительство, теперь человек свободный.

— Да, конечно. Я слышал. Вас там будет очень не хватать.

— Сомневаюсь. А ваше посольство — совсем забыл — оно где-то здесь, рядом, не так ли?

— В Дворцовых Садах. Я тоже наслаждаюсь с Агманом утренней прогулкой. Хотя, увы, не только с ним. — Черный джентльмен повел изукрашенной золотом тростью по направлению к крупному мужчине, безучастно разглядывавшему платан.

— Увы! — согласился мистер Уиппстоун и, погладив афганца, не без изящества прибавил: — Каторга высокого положения.

— Как мило вы это сказали.

Мистеру Уиппстоуну, который исполнял в Министерстве иностранных дел чрезвычайно щекотливую работу, очень помогало в свое время умение разговаривать с иностранными, в особенности африканскими, чрезвычайными и полномочными представителями.

— Насколько я знаю, ваше превосходительство есть с чем поздравить, — сказал он и тут же разразился обычными в его профессии безглагольными восклицаниями: — Усиление сближения! Новый договор! Мастерское достижение!

— Это достижение нашего великого президента, и только его, мистер Уиппстоун.

— Да, разумеется. Все с восторгом ожидают предстоящего визита. Благоприятное событие.

— Вы правы. Событие огромного значения. — С секунду посол подождал отклика и затем слегка приглушил великолепные раскаты своего голоса. — Однако, — продолжил он, — не лишенное сопряженных с ним тревог. Как вы знаете, наш великий президент не приветствует внимания подобного рода. — Гигант снова повел тростью в сторону телохранителя и вздохнул. — Он ведь остановится в посольстве.

— Разумеется.

— Ответственность! — опять вздохнул посол и протянул руку, прощаясь. — Вы, разумеется, будете на приеме. Надо бы нам встречаться почаще! Я позабочусь о приглашении. Оревуар, мистер Уиппстоун.

Они разошлись. Проходя мимо посольского сопровождающего, мистер Уиппстоун тактично смотрел в другую сторону.

В том месте, где Каприкорн-Уок становится северо-восточной границей площади, мистеру Уиппстоуну попался на глаза маленький дом, стоящий между двумя другими, побольше. Выкрашенный поблескивающей белой краской — черной осталась только входная дверь, — дом состоял из мансарды, трех этажей и полуподвала. Окна второго этажа выходили на пару миниатюрных балкончиков, окна первого изгибались вверх изящными сводами. Мистера Уиппстоуна поразили цветочные ящики под окнами. Место привычных нарциссов в них занимали правильные зеленые гирлянды, способные украсить рельеф самого делла Роббиа*. То были какие-то вьющиеся растения, свисавшие между горшками, в которых они росли, и подстриженные так, что они расширялись в самом низу образуемой ими дуги и симметрично сужались к ее концам.

Двое рабочих с лестницей крепили к дому табличку.

* Лука делла Роббиа — итальянский скульптор эпохи Возрождения.

Мистер Уиппстоун почувствовал, как подавленность понемногу покидает его. Люди, которым не приходится жить здесь, нередко говорят об особом «ощущении Лондона». Они рассказывают, как их, гулявших по лондонским улицам, внезапно охватывало счастье, душевный подъем, радостное возбуждение. Мистер Уиппстоун всегда относился к таким эмоциям с недоверием, однако приходилось признать, что в данном случае его несомненно посетило чувство странной раскрепощенности. И ему почему-то казалось, что чувство это породил в нем маленький дом — № 1, как он теперь увидел, по Каприкорн-Уок.

Он подошел поближе. Солнце сияло на каминных трубах и восточном скате крыши. «Хорошо поставлен, — подумал мистер Уиппстоун. — Зимой, смею сказать, все солнце достается ему». Его-то квартира смотрела на север.

Пока мистер Уиппстоун пересекал Каприкорн-Уок, по улице приблизился, насвистывая, почтальон. Он поднялся по ступенькам дома № 1, сунул что-то под бронзовый клапан на двери и спустился с крыльца так стремительно, что едва не столкнулся с мистером Уиппстоуном.

— Опля! — сказал почтальон. — Вот в чем моя беда, уж больно я ретивый. Правда, и утречко нынче отличное, разве нет?

— Да, — благоразумно согласился мистер Уиппстоун, хоть и мог бы с этим поспорить. — Утро хорошее. А что, люди, которые здесь живут... — Он замялся.

— Съехали. Еще на той неделе, — подтвердил почтальон. — Мне-то, понятное дело, никто ничего не сказал. Хотя могли бы и предупредить, ведь правда, сэр?

И, насвистывая, отправился дальше. Рабочие слезли с лестницы и тоже собрались уходить. Они уже прикрепили табличку.

ПРОДАЕТСЯ

Все справки в фирме
«Эйбл, Вертью и сыновья»,
Каприкорн-стрит, 17, Ю.3.7.

2

Каприкорн-стрит — это «главная» из каприкорновских улиц. Она шире и оживленнее остальных. Идет параллельно Уок, и, собственно говоря, здание, в котором обосновались господа Эйбл и Вертью, стоит спиной к спине с маленьким домом № 1.

— С добрым утром, — привычно проговорила пухлая дама, сидевшая за столом слева от входа, и с живым интересом добавила: — Чем могу вам помочь?

Мистер Уипплстоун задействовал самый уклончивый из регистров своего дипломатического органа, протемперировав его холодность толикой чудаковатости.

— Вы можете, если будете столь любезны, удовлетворить мое досужее любопытство, — сказал он, — касательно... э-э... дома номер один по Каприкорн-Уок.

— Уок, номер один? — повторила дама. — Да. Мы как раз повесили объявление. Продается с оговорками относительно полуподвала. Я, правда, не совсем уверена...

Она взглянула на сидевшего за столом справа молодого человека с прерафаэлитской прической. Молодой человек слушал, что ему говорят по телефону, и разглядывал свои ногти.

— Если вы о полуподвале номера один, — загудел он невидимому собеседнику, — то там сейчас временный жилец. — Вялой ладонью он прикрыл трубку. — Как раз по этому поводу, — сказал он и, убрав ладонь, снова зарокотал: — В подвале номера один в настоящее время живет владелец дома. Он хочет там и остаться. Предполагаемое соглашение состоит в том, что покупатель получает на дом полное право владения, а он, продавец, обращается в съемщика подвального помещения за согласованную плату и на согласованный срок.

Затем обладатель густого баса довольно долгое время молчал, слушая.

— Нет, — наконец сказал он. — Боюсь, это непременное условие. Вполне. Вполне. Спасибо, мадам. Всего доброго.